

Людмила ГУРЧЕНКО:

Я В А М П И Ш У...

роятно, выйдет отдельной книгой, сейчас ведутся переговоры в одном из издательств. Будет, видимо, и фильм, который намерен ставить Никита Михалков.

Читатели советуют писать. Не знаю... вряд ли... Я после повести, как выжженное дупло дерева... А вот в чем уверена: могу писать только о том, что прошло через меня.

В Новый год хочу сказать своим зрителям и читателям, что я живу, существую, потому что есть они. И для них я стремлюсь в любую роль, хоть на пять минут, внести улыбку, радость, чтоб, несмотря ни на какие неприятности, огорчения, люди верили: все будет хорошо.

Интервью вела
Ирина РИШИНА

Я знала, что к Л. Гурченко обращались с предложением дать интервью для новогоднего номера газеты и она отказалась: уж слишком часто стали интервьюировать, неудобно, нескромно, нехорошо...

Но я пришла к Гурченко — не актрисе, а к Гурченко — автору повести «Мое взрослое детство», которая была напечатана в прошлом году в 3-м и 4-м номерах журнала «Наш современник». Этот литературный дебют не остался незамеченным. Мнения критиков и читателей сошлись: удача.

Третий номер журнала увидел свет в середине марта, а уже 20-го Л. Гурченко получила открытку — первый отзыв.

«Только что дочитал — увы, лишь первую часть — вашей исповедной повести и думаю, что тот сердечный и взволнованный прием, который она, бесспорно, встретит у читателей, согреет вас значительно больше, чем любой актерский успех. Это больше, чем хорошая проза. И то движение души, которое вас заставило так написать о своем отце, дорогого стоит. Если это не только та «первая книга», которую может написать почти каждый человек, чья жизнь прожита не зря, а начало второй профессии — всяческой вам удачи. Но и то, что написано... свое и настоящее. Сим. ДРЕЙДЕН».

Критик и театровед С. Дрейден, как говорится, будто в воду глядел: повесть сразу вызвала сердечный и взволнованный прием читателей. В журнал на имя Людмилы Гурченко хлынули письма, действительно хлынули. Сколько их — две, три тысячи? И сейчас еще сказать трудно, потому что они все продолжают идти. Читатели разных возрастов, разных профессий, из разных городов, из разных республик страны, и, конечно, очень, очень много писем из Харькова — ведь действие повести происходит в этом военном, оккупированном фашистами городе, и еще много писем от ленинградцев, переживших блокаду. Но пишут и те, кто вырос в мирное время, кто «попроха не нюхал».

Беру наугад одну из многочисленных толстых пачек.

Л. И. КУНАКОВСКАЯ из Горького: «Много книг прочла о войне, но нитки так тонко не передала ее детское восприятие. Первые и вторые немцы, бомбежки, облавы, виллисы, холод, вечное ощущение голода, поиски дров и воды — все это было и вспоминается, как страшный сон. В то время мы действительно были взрослыми и мудрыми детьми. Вместе с вашей повестью страницу за страницей перелистала и свое детство».

«Мне без малого 89 лет, — сообщает Н. В. СТАРИКОВ. — Я живу в Москве с октября 1920 года. Родился в Харько-

ве, это город и моих предков... Главное, что видишь на каждой страничке вашей повести, в каждой строке, в каждом вашем слове, — это правда... И сожалению, уже давняя значительная потеря слуха лишает меня возможности иметь ясное представление о вас как об актрисе. А вот о вас, писателе, могу судить. Думаю, на этом пути вы можете хорошо проявить себя и в дальнейшем». Еще одно «харьковское» письмо. В. И. ДИКАНЬ рассказывает о том, что харьковчане с большим интересом читают повесть: «Время — 2 часа ночи. Я не сплю из-за прочитанного, а это уже успех книги. Не бросайте перо, пишите еще. Думаю, что в жизни у вас много интересных впечатлений, не держите их в себе. «Давай дальше», как обязательно сказал бы, в этом я уверена, ваш папа».

Житель Ленинграда, ветеран войны Г. А. ЛЕБЕДЕВ пишет: «Сам я отец трех сыновей, уже и трижды дед, но ведь я и сын своего отца, которого давно нет на свете. Проблема отцов и детей извечна... Огромная признательность вам за то, что вы сотворили выразительнейший, яркий в общем облике и точный в деталях портрет, более того, памятник Марку Гурченко — прекрасному Человеку и Гражданину. Конечно, очень бы хотелось, — заканчивает письмо Г. А. Лебедев, — чтобы ваша повесть была издана отдельной книжкой».

Т. Н. КОСОВА, швея Ивановской текстильной фабрики, признается в письме: «Я прочла все на одном дыхании. Дважды всплакнула... Очень не хотелось расставаться с Марком Гавриловичем, очень я полюбила его. Если бы было возможно увидеть этого человека на экране, помогу, люди стали бы чуть добрее, нежнее, сговорливее, да и вообще лучше. И этот чудный выговор: «чуковней», «дальший», «дороженькая». Я читала запоём. Ведь какой был человек! Самородок! Прочитали бы скорее режиссеры!»

И еще письмо об экранизации: «...Надеюсь скоро увидеть вашу повесть на экране. В. А. ДЕМИДОВА, Владивосток». И. А. АЛИСОВА из Кривого Рога предлагает даже некоторых исполнителей на роли в этом фильме: «Самое трудное, конечно, найти исполнительницу на роль маленькой Люси, чтобы она умела все, что умели вы. Я уже вижу некоторых актеров. Вали — может быть, Е. Соловей? А может быть, вы сами? Шмага — Л. Дуров, (хотя у Дурова, конечно, «не стертая» внешность, но он был бы хорош в роли Шмаги) Антеров на роли папы и мамы не вижу — но вы бы нашли».

— Я не то чтобы благодарна читателям — это больше, чем просто благодарность, — говорит Людмила Гурченко. — Мой поклон им за радость получить их доверительные письма. За то, что, выслушав меня, в ответ на мою откровенность они захотели рассказать о своей судьбе, о войне, о житейских делах, катаклизмах, любви. За их желание поделиться

сокровенным, раскрыть такие свои тайны, о которых и с близкими подчас не говорят. Открытые, жесткие, несентиментальные, искренние признания — поразительно... Как много прекрасных людей у нас!

Можно сказать, что после «Карнавальная ночь» я привыкла к почте зрителя, которую нетрудно разделить на несколько видов писем: первые — хочу тоже быть актрисой, вторые — посоветуйте, куда поступить, третьи — пришлите автограф... и четвертые, самые редкие, — разбор фолы, правда, после последних фильмов таких писем-размышлений стало больше.

А эта почта — совсем другая. Тут письма за сердце берут. Тут холодной строчкой не ответишь. Тут письма дорогие, поучительные, познавательные для меня — человека и актрисы.

Сразу скажу: ни в коем случае не хочу о себе говорить как о литераторе, и не дай бог, чтобы во мне видели писателя, — этого боюсь. У меня и в голове не было братья за книгу. Я совершенно не умею рисовать, и, когда вижу, как человек берет карандаш и на бумаге оживает его идея, мысль, — мне он кажется чудесником. И писатель для меня — тоже что-то непостижимое, какое-то таинство души, таинство существа, которому дано необыкновенное, дар, поднимающий его над остальными людьми. ...Прошло семь лет после смерти папы. И когда я встречаю людей, хоть в чем-то подобных ему, в которых разбросаны крупинки того, что так мощно в нем было аккумуляровано, я бегу к ним, слушаю их, вытаскиваю из них эти крупинки. Я находила их в произведениях Шукшина и в нем самом. Эти черты, это ощущение детскости, искренности, грубости, широты, естественности, и все не полугоня, все предельно, все полновечно, — образ папы жил во мне, и я рассказывала о нем друзьям, вспоминала отдельные случаи, сюжеты, юмор, слезы... И однажды — это было на съемках «Сибириады» — друзья сказали мне: надо писать. Писать? Я? Нет. А они всякий раз настойчиво спрашивают, как приказывают: ты работаешь? еще нет? работай! Рукопись я отдала Никите Михалкову, уверенная в провале. Он был очень занят, не мог сразу позвонить и отозвался через дней 7—10. А я думала, что не звонит, потому что не понравилось, и умирала от ожидания позора... «Мое взрослое детство», ве-